

К.И. Зубков. Урало-Сибирский тыл Великой Отечественной войны

V.V. Zapary

Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Vas. V. Zapary

Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Center for Political and Socio-Cultural History, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (Yekaterinburg, Russia)

**RELEVANCE OF THE PROBLEMS OF AID BY THE URALS
IN THE POST-WAR YEARS (USING THE EXAMPLE OF AID TO THE BSSR)**

The paper shows examples of aid from the Urals to the BSSR in the post-war period in restoring the national economy. The paper presents a large number of new documents from archives and periodicals of that time. The paper concludes that such aid has played a major role in these processes. The paper also points out that the experience of the past is not just of academic importance, but can also be used in modern conditions of movement of volunteers in the Special military operation.

Keywords: the Urals, Belarus, assistance in economic development, historical experience, archival sources, periodicals.

УДК 94(47).084.8

К.И. Зубков*

**УРАЛО-СИБИРСКИЙ ТЫЛ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И АМЕРИКАНСКИЕ ОЦЕНКИ СДВИГОВ
В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОЙ МОЩИ**

Статья анализирует стратегические факторы, повлиявшие на существенные изменения в оценках американскими союзниками возможностей СССР в отражении гитлеровской агрессии, – прежде всего, перемещение оборонно-промышленной базы страны на восток, в районы Урала и Сибири. Данный фактор в представлении политиков США становился не только залогом победы над нацистской Германией, но и превращения СССР в «евразийскую», подлинно глобальную державу, влияющую на расстановку сил в послевоенном мире.

Ключевые слова: Советский Союз, США, Урал, Сибирь, эвакуация, стратегический тыл, геополитика, «восточный сдвиг».

Становление антигитлеровской коалиции, как важного для понимания стратегических целей и планов воюющих держав глобального измерения героической борьбы Советского Союза против гитлеровской Германии в 1941–1945 гг., представляло собой сложный и противоречивый процесс. На его позитивную динамику в решающей степени влияли как переломные моменты военного про-

* Зубков Константин Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. центром методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; zubkov.konstantin@gmail.com

тивоборства на советско-германском фронте, так и ускоренный рост военно-промышленного потенциала СССР. Критическая роль этих факторов в определении позитивной динамики стратегического взаимодействия СССР с его главным союзником в войне – Соединенными Штатами Америки – не подлежит сомнению.

В начальный период войны, когда Красная армия с тяжелыми боями отступала под натиском вермахта, переход США к политике поддержки борющегося Советского Союза сдерживался в целом пессимистическими оценками его способности отразить нацистскую агрессию и опасениями того, что в случае разгрома СССР американская военно-экономическая помощь может попасть в руки Гитлера. Эту позицию наглядно отражало сделанное в июле 1941 г. сомнительное заявление посла США в Москве Л. Штейнгардта, в котором было высказано сомнение в том, что СССР сможет удержать против немецкого наступления линию Москва – Ленинград – Киев, хотя и будет в состоянии стабилизировать фронт «значительно западнее Уральских гор». В беседе с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым Штейнгардт объяснял свое заявление, воспринятое советской стороной как «нелояльный шаг по отношению к Советскому Союзу», желанием разубедить американское общество в его представлениях о том, что упомянутая линия является для СССР «последним рубежом обороны» [2, с. 75–76]. Американский посол, удаленный с поста в ноябре 1941 г. как неудобная фигура, был недалек от истины: действительно, перед войной, с учетом всего контекста советской внешней политики, американское общественное мнение, включая специалистов, воспринимало СССР, прежде всего, как периферийную европейскую державу, значимые для организации обороны жизненные центры которой ограничиваются упомянутыми столичными городами. Стереотипы – вроде того, что советские мощности черной металлургии ограничены только «украинскими индустриальными районами» (Донбасс, Кривой Рог) [7, р. 58] – стали преодолевать с августа 1941 г., после визита в СССР представителя президента США Г. Гопкинса. Уже 11 сентября 1941 г. американский Объединенный комитет начальников штабов в документах стратегического планирования выделил обеспечение «производственных мощностей в бассейне Волги или к востоку от Уральских гор» в качестве важнейшего приоритета в организации помощи СССР со стороны союзников [3, с. 645–646]. По итогам работы первой Московской конференции союзников (29 сентября – 1 октября 1941 г.) руководитель делегации США У.А. Гарриман отметил такой фактор стабилизации советской обороны, как своевременная эвакуация военно-промышленного потенциала на восток. Он признал, что Советы, хотя и «нуждаются в существенном количестве снаряжения и сырьевых материалов», «эвакуировали большое количество заводов – вместе с оборудованием и рабочими – с утраченных территорий в более безопасные места дальше к востоку – всё в соответствии с заранее предусмотренным планом» [Цит. по: 7, р. 59]. Ситуация, однако, оставалась сложной и переменчивой. В середине октября 1941 г., с началом нового наступления вермахта на Москву, возникшей паники в столице и началом эвакуации дипломатического корпуса США в Куйбышев, большинство американских политиков

и экспертов вновь стали открыто выражать неверие в способность Красной армии остановить врага. Американский журналист, шеф московского бюро агентства «Юнайтед Пресс» Г. Шапиро вспоминал позднее, что устроенный им импровизированный опрос среди многочисленного корпуса иностранных дипломатов и журналистов, эвакуировавшихся из Москвы 15 октября 1941 г., выявил лишь трех человек, которые были уверены в том, что русские сумеют отстоять Москву: это были британский посол С. Криппс, иранский посол Мохаммед Саид и руководитель американской миссии ленд-лиза Ф. Феймонвилл [12, р. 64].

Крах гитлеровского «блицкрига» в битве под Москвой и вступление США в войну в декабре 1941 г. создали новые благоприятные условия для укрепления союзнического взаимодействия. Многим зарубежным наблюдателям стало ясно, что СССР способен противостоять германской агрессии, опираясь на свой внутренний военно-промышленный потенциал, и в этой ситуации Соединенным Штатам предстояло определить свою линию политики относительно характера и форм помощи СССР. Резко возрос интерес к любой информации о состоянии стратегического тыла СССР, ускоренными темпами создаваемого на Урале и ряде индустриальных центров Сибири – регионах, ранее закрытых для иностранных наблюдателей. По признанию корреспондента журналов «Тайм» и «Лайф» Р. Лаутербаха, в первый период войны советские территории к востоку от Волги оставались для подавляющего большинства американских дипломатов и журналистов своеобразной terra incognita, и это не могло не подогревать среди них особого интереса к «величайшему арсеналу вооружений» – Уралу, где, по мнению американского журналиста, во многом и следовало искать источники советской военной мощи [7, р. 180–181]. Первопроходцами в «открытии» Урала для американской общественности выступали журналисты. По-видимому, первым из них был Г. Шапиро, который по специальному разрешению НКВД СССР посетил Свердловск в декабре 1941 г. для свидания со своей русской женой Людмилой Никитиной и дочерью Ириной, эвакуированными в Алапаевск. Как очевидец, он оставил яркие описания гигантского промышленного строительства на Урале, стремительного перехода предприятий на выпуск военной продукции, поразившего его героизма простых людей, сутками трудившихся в цехах и на стройках в условиях полуголодного существования [12, р. 65–66]. Даже донесения, направляемые из Куйбышева посольством США в Госдепартамент и содержавшие описания образцово проведенной эвакуации промышленности на восток СССР и быстрого развертывания там мощной военно-индустриальной базы, опирались первое время в основном на вторичную информацию. Так, в апреле 1942 г. посол США адмирал У. Стэндли, опираясь на анализ советской прессы, отмечал в качестве решающего стратегического преимущества Советского Союза заблаговременно осуществленный в годы первых пятилеток «восточный сдвиг» промышленного потенциала, что позволило уже в условиях войны в кратчайшие сроки превратить Поволжье, Урал и Западную Сибирь в основной арсенал страны [5, р. 434].

Особую ценность в условиях ограниченной информации о формируемом на Урале и в Сибири стратегическом тыле СССР приобретали свидетельства

американцев, участвовавших в 1930-е гг. в возведении советских гигантов индустрии; среди таких реалистических описаний выделялась работа Дж. Скотта, посвященная Магнитке [11]. Из популярных работ наиболее полный и всесторонний анализ значения урало-сибирского тыла для военных усилий СССР давала не лишённая восторженных преувеличений, но в целом очень информативная работа канадских журналистов Р. Дэвиса и Э. Стейджера, основанная как на личных впечатлениях авторов, так и на широком использовании советских источников. Характерное название книги – «Советская Азия, передовая линия обороны демократии» – ясно указывало на главный предмет интереса авторов. Авторы не только подробно описали ресурсную базу и производственные возможности Урала – «внутреннего бастиона обороны», сравнили Западную Сибирь с индустриально-аграрным «сердцем» Америки – Средним Западом, но и постарались познакомить американского читателя с характерными чертами советской социальной системы и ее мобилизационными возможностями. Тем самым формировался совершенно новый для Запада нарратив восприятия советской системы и тех ее преимуществ, которые позволили СССР быстро осуществить перестройку экономики на военный лад и организованно провести массовую эвакуацию производственных мощностей и рабочей силы на восток. Жестокие реалии войны, по мнению авторов, убедительно доказывали, насколько оправданны были лишения и трудности, на которые шел советский народ ради форсирования индустриализации, насколько мудрой и перспективной была прослеживаемая с первых лет Советской власти политика «восточного сдвига» индустриального потенциала в безопасные в военном отношении регионы Востока.

Говоря о гигантских достижениях в индустриализации Урала в годы первых пятилеток, Дэвис и Стейджер так резюмировали их значение для совместной борьбы союзников против держав-агрессоров: «Многие удачливые, чопорные, самодовольные и раскормленные американцы зло высмеивали эти усилия. Мы полагали, что всякий, кто жертвует комфортной жизнью, не говоря уже о роскоши, ради “материалистического” (как некоторым из нас нравилось это слово!) производства машинного оборудования, был явно не в себе. Но весь демократический мир, включая Америку, сегодня должен признать, что мы заблуждались, а русские были правы. Многие сотни тысяч американских, канадских и британских парней сохраняют свои жизни благодаря тому, что индустриальное производство на Урале делает сегодня русских способными производить оружие для того, чтобы уничтожать миллионы вражеских солдат и сдерживать нацистские атаки до того момента, когда Объединенные Нации, координируя усилия, смогут нанести нацизму решающий удар» [4, р. 58].

Возможности ознакомления американцев со стратегическим потенциалом внутриконтинентальных районов СССР заметно расширились на завершающем этапе войны, когда и коалиционное взаимодействие достигло высокой степени интенсивности. Визиты в СССР государственных деятелей США в 1943–1944 гг. уже, как общее правило, включали посещение крупнейших индустриальных центров Урала и Сибири, встречи с советскими руководителями, инженерами,

рабочими. Так, осенью 1943 г. во время своего визита в СССР руководитель американского Совета по военному производству Д.М. Нельсон, наряду со Сталинградом, посетил Свердловск, Магнитогорск и Новосибирск [9, р. 420]. Летом 1944 г. по приглашению наркома внешней торговли СССР А.И. Микояна на Урале и в Сибири побывала, посетив, среди прочих городов, Свердловск, Магнитогорск, Омск и Новосибирск, представительная американская делегация во главе с президентом Торговой палаты США Э. Джонстоном [1, с. 90]. Вместе с ним в ранее закрытую для посещений иностранцами «новую индустриальную империю» на Урале по специальному разрешению Сталина были допущены корреспонденты самых влиятельных американских изданий (Х. Солсбери из «Юнайтед Пресс», У. Лоуренс из «Нью-Йорк Таймс», Р. Магидофф из «Нэйшнл Бродкастинг Компании», Р. Лаутербах от журналов «Тайм» и «Лайф») [7, р. 182–184]. В Свердловске и Магнитогорске американская делегация познакомилась с работой ведущих оборонных предприятий (Уралмаш, Магнитогорский металлургический комбинат), оставив впоследствии детальные отчеты об этой далеко не ординарной поездке [см.: 6; 7; 10].

В 1943–1945 гг. интерес англо-американских союзников к состоянию стратегического тыла СССР, прежде всего, к районам Урала и Западной Сибири, простираясь далеко за горизонт завершающейся войны. Для союзников становилось очевидным, что за годы войны на востоке СССР сформировался его новый «силовой центр», который не только отразил в своем развитии крупный сдвиг в размещении производительных сил и советской модели стратегической безопасности, но обещал также внести существенные изменения в общую геополитическую ситуацию на Евразийском континенте. Предвосхищая победоносное завершение войны и распространение советского контроля на Восточную Европу, крупные территориально-экономические сдвиги, происходившие на востоке СССР, заметно укрепляли и его позиции в Азии. В результате СССР теперь в большей степени, чем когда-либо прежде, мог претендовать на статус державы, занимающей центральное геостратегическое положение на Евразийском континенте.

В 1943 г. английский геополитик Х. Дж. Маккиндер, модифицируя свою известную концепцию «Хартлэнда», отметил, что пробуждаемые войной к развитию центральные части Евразийского континента, защищенные естественными барьерами – льдами Арктики, горами Алтая и Гиндукуша, непроходимой тайгой бассейна Лены – делают Советский Союз величайшей в военном отношении сухопутной державой, устойчивой против любой внешней агрессии. Особое значение в усовершенствовании этой стратегической позиции Маккиндер, как и другие западные аналитики, придавал развившейся за годы войны новой индустрии Урала и Кузбасса. Благодаря восхождению этого нового «жизненного центра», Россия распространила свое влияние на Азию, как никогда прежде, приблизившись к идеальной позиции контроля над всем «Мировым Островом» [континентальной массой Старого Света. – К.3.]. По мнению Маккиндера, это превращало колоссально возросшую континентальную мощь СССР в сопоставимый по силе атлантическому Западу (США, Англии и Франции) фактором миро-

вой политики [8, р. 597–598, 600]. Таким образом, Маккиндер в основных чертах наметил контуры новой биполярной структуры международных отношений, характерной для последовавшей эпохи «холодной войны», связав ее генезис с необходимостью обеспечить в лице альянса трех западных держав (как прообраза будущего блока НАТО) «симметричный» ответ Советскому Союзу, усилившему свою военную неуязвимость за счет эскалации внутриконтинентального «евразийского» вектора развития.

Близкую к выводам Маккиндера позицию по поводу сдвигов в структуре советской военно-экономической мощи по итогам Второй мировой войны высказал в 1945 г. американский геополитик Р. Страус-Хюпе. Рассматривая послевоенный баланс сил в мире по критериям изменений в размещении крупнейших центров угольно-металлургической и нефтяной промышленности, американский исследователь отметил, что за годы войны, проявляя удивительную энергию в развитии своих арсеналов и промышленных баз на востоке страны, Советский Союз, невзирая на жертвы, фактически создал новую «обширную автономную индустриальную систему в русской Азии», способную существенно повлиять на расстановку сил в мировом масштабе, обеспечивая военную неуязвимость с запада и рычаги влияния на развивающиеся страны (Китай, Индия) на востоке. Эта система, как предвидел аналитик, обещала стать не искусственным, «тепличным» продуктом, но предпосылкой для дальнейшего «феноменального расширения» [13, р. 130, 131–132].

Таким образом, за годы Второй мировой войны американские союзники последовательно перешли от текущих оценок состояния внутриконтинентального стратегического тыла СССР, формируемого на Урале и в Сибири, к выводам долговременного геополитического свойства, констатирующим крупные изменения в структуре советской военно-экономической мощи.

Библиографический список

1. *Минкова К.В.* «Экономические и торговые взаимоотношения Советского Союза и Америки будут расти и крепнуть»: визит в СССР Эрика Джонстона в 1944 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2022. № 1. С. 88–107.
2. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1984. 510 с.
3. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2-х т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 678 с.
4. *Davies, Raymond A., Steiger, Andrew J.* Soviet Asia, Democracy's First Line of Defense. N.Y.: Dial Press, 1942. xiii, 384 pp.
5. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1942. Vol. VIII. Europe. Wash.: United States Government Printing Office, 1961. vi, 869 pp.
6. *Johnston, Eric A.* America Unlimited. Garden City; N.Y.: Doubleday, Doran & Co., Inc., 1944. Vii, 254 pp.

И.В. Зыкин. Производство техники и механизация лесозаготовок в СССР

7. *Lauterbach Richard E.* These Are the Russians. N.Y.; L.: Harper & Brothers Publishers, 1945. 368 pp.
8. *Mackinder, Halford J.* The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. XXI, No. 4. P. 595–605.
9. *Nelson, Donald M.* Arsenal of Democracy: The Story of American War Production. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1946. xviii, 439.
10. *Salisbury, Harrison E.* Russia on the Way. N.Y.: The Macmillan Co., 1946. 425 pp.
11. *Scott, John.* Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Cambridge (Mass.): The Riverside Press, 1942. ix, 279 pp.: maps.
12. *Senn, Alfred E.* Foreign Correspondent in Moscow, 1932–1973: Henry Shapiro. Kaunas: Vitauto Didžiojo universiteto liudykla, 2006. 186 pp.
13. *Strausz-Hupé, Robert.* The Balance of Tomorrow. Power and Foreign Policy in the United States. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1945. X, 302 pp.

K.I. Zubkov

Candidate of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

THE URAL-SIBERIAN REAR OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND AMERICAN ASSESSMENTS OF SHIFTS IN THE STRUCTURE OF SOVIET POWER

The paper analyzes the strategic factors that influenced significant changes in the assessments by American allies of the USSR's capabilities in repelling Hitler's aggression – first of all, the relocation of the country's defense industrial base to the east – to the Urals and Siberia. This factor, in the view of US politicians, became not only the key to victory over Nazi Germany, but also the transformation of the USSR into a “Eurasian”, truly global power influencing the balance of power in the post-war world.

Keywords: Soviet Union, USA, Urals, Siberia, evacuation, strategic rear, geopolitics, “eastern shift”.

УДК 94(470.5)

И.В. Зыкин*

ПРОИЗВОДСТВО ТЕХНИКИ И МЕХАНИЗАЦИЯ ЛЕСОЗАГОТОВОК В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассмотрены основные тенденции производства техники и механизации лесозаготовок в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Выявлено сокращение объемов выпуска техники и незначительное уменьшение доли механизированной вывозки леса. Основными достижениями стали продолжение выпуска и создание новых моделей моторных пил.

Ключевые слова: наркомлес СССР, производство техники, моторные пилы, механизация.

* Зыкин Иван Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; zivverh@mail.ru